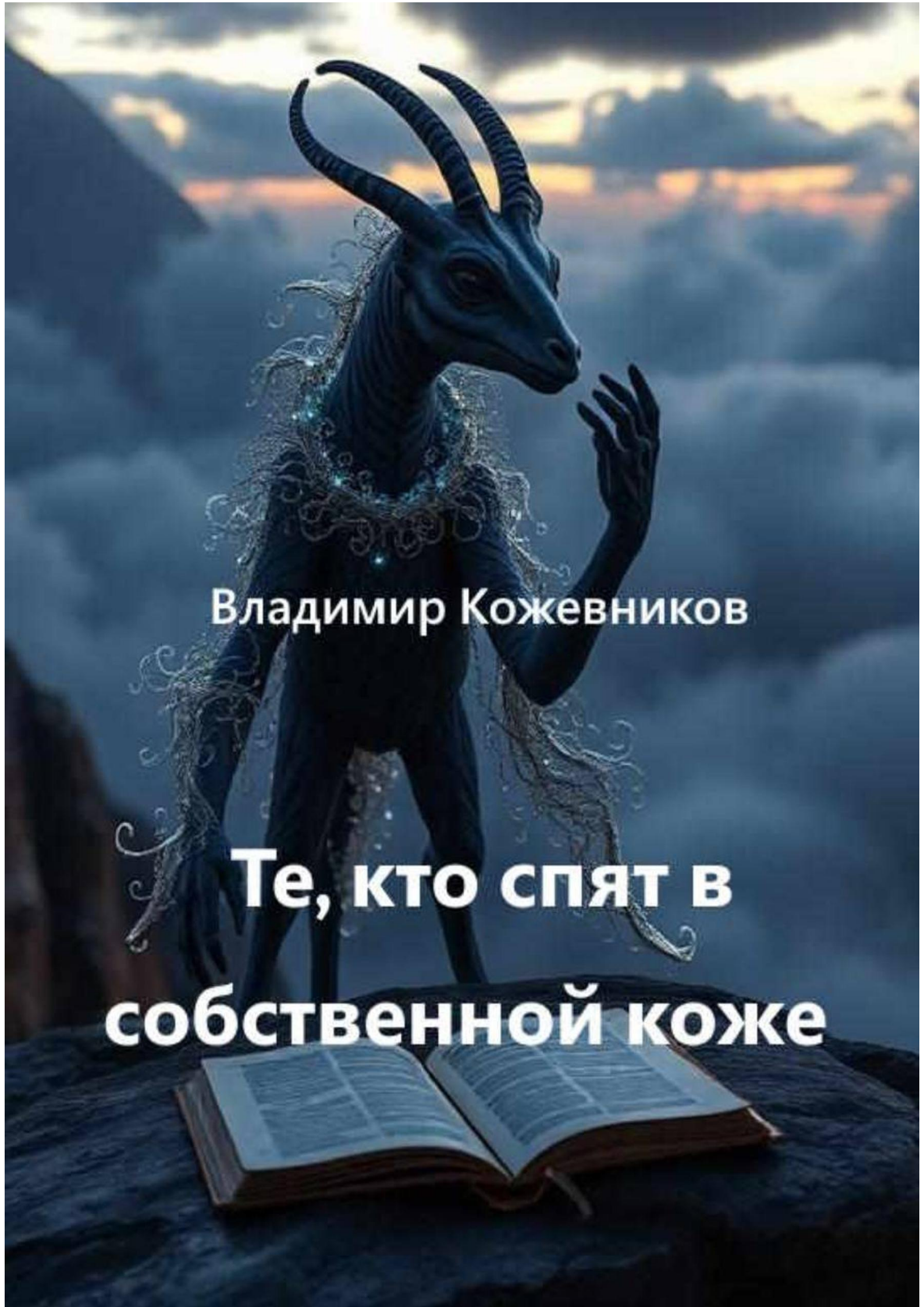

Владимир Кожевников

**Те, кто спят в
собственной коже**

Владимир Кожевников

Те, кто спят в собственной коже

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Те, кто спят в собственной коже / В. В. Кожевников — «Автор»,
2026

Ксенобиолог Сара, бегущая от шума, прибывает на Умбриэль — мир грибных лесов, чтобы изучать киринов, существ, растворённых в коллективном «мы». Магнитная буря обрывает связь, и кирина Иль-Ве впервые остаётся одна — этот разрыв рождает её «я». На уступе встречаются два одиночества, учащиеся слышать друг друга без резонанса. Сара учит жестам и словам, Иль-Ве открывает искусство и выбор. Но колония хочет вернуть её, а контракт Сары истекает. Расставание неизбежно, но оно не конец: «я» не отменяет «мы», а добавляет глубину. История о языке тишины, о звёздах, которые рисуют не видя, и о том, что дыра в симфонии может стать новой мелодией.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прибытие в сумерки	5
Глава 2. Хор и трещина	7
Глава 3. Язык тишины	9
Глава 4. Сны, которые можно увидеть	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кожевников

Те, кто спят в собственной коже

Глава 1. Прибытие в сумерки

Сара стояла у иллюминатора. Она не видела приближающуюся планету. Стекло было зеркалом, возвращавшим ей бледное лицо с резкими скулами — маску, за которой скрывался её внутренний космос, тихий и упорядоченный. Датчик на виске мягко пульсировал зеленым. Поблизости никого. Тишина была почти абсолютной.

Голос пилота разбил ее, как камень разбивает лед.

— Доктор Нейман, готовьтесь. Магнитная буря. Связь будет барахлить.

Она вздрогнула. Слова-молотки. Как же люди устали от собственного шума, если даже не замечают, что каждое их слово — это маленькое вторжение. Сара промолчала в ответ.

Челнок нырнул в серое марево спор. Триллионы жизней, невидимых глазу, сплетались в атмосферный кокон планеты. Внизу, в разрывах тумана, показались леса. Грибы. Каждый — величиной с небоскреб. Их шляпки терялись в дымке, создавая пейзаж, лишенный привычных ориентиров. Архитектура титанов, умерших до начала времен. Мир, который не терпит пустоты.

Трап. Пластины. Воздух, влажный и пряный, пахнувший началом мира. Он обжег ей легкие. Сара на мгновение задержала дыхание — инстинктивная попытка сохранить герметичность. Она сходила с корабля так, как водолаз спускается на дно океана.

У посадочной платформы ее ждали. Двое людей и несколько фигур в полумраке. Кирины. Сначала она увидела их как сгустки света — биолюминесцентные лишайники на стенах базы играли в их меху, превращая их в живые картины. Шесть конечностей. Вытянутые морды. Но все это было лишь формой. Содержанием был Плащ. Милиарная сеть, пульсирующая в такт чужому сердцебиению, окутывала их тела. По волокнам пробегали изумрудные искры. Мысль, видимая глазу. Громкая, чужая, лишенная оболочки приватности. Сара почувствовала, как ее собственный датчик на виске завибрировал, отмечая паническую атаку.

— Доктор Нейман! — Андрей Мирный вышел вперед. — Вы как раз вовремя. Приближается «Великое Безмолвие». Кирины нервничают. По-своему.

Сара смотрела на двух киринов, стоящих рядом. Они не касались друг друга. Но в одном и том же миг их плечи дрогнули. Они обменялись чувством. Или воспоминанием. В ее голове пронеслась картинка: кожа, прозрачная для чужих снов. Чужое дыхание в твоих легких. Эмпатия как взлом. Это было хуже шума. Это была потеря последнего убежища.

— Я пройду к себе, — голос был хриплым. Она не просила, она констатировала.

— Конечно, док. Понимаю, с дороги...

Он не понимал. Ей не нужно было отдыхать. Ей нужно было исчезнуть. Шлюз капсулы встал на место с мягким щелчком. Внешние звуки умерли. Остался только шум крови в ушах. Сара медленно опустилась на пол, прижалась лбом к холодному металлу переборки. Датчик на виске выровнялся. Идеальная синусоида. Космос внутри. Только ее мысли. Только ее сны. Она подняла глаза. В полированной стали отражалось ее лицо. И ничье больше. Никого.

Сара выдохнула. Она была дома.

А снаружи, у кромки грибного леса, где туман спор был особенно густым, стояла Иль-Ве. Она провожала взглядом чужаков. Сара ушла в свою металлическую раковину, и в мире киринов стало на одну ноту меньше. Иль-Ве не думала словами. Она чувствовала странный зуд в мицелии своего Плаща. Не сигнал, не послание от других. Это было похоже на эхо от

крика, которого никто не издавал. Тишина, которая смотрит. Пустота, имеющая объем. Она не знала, что это, но ее Плащ, как верный зверь, топорщил ворсинки, пытаясь уловить то, чего не существовало в языке их мира. Впервые в жизни Иль-Ве заинтересовалась тем, что не излучает резонанса. Она не пыталась «услышать». Она просто смотрела. И в этом смотре было начало чего-то, чему еще не придумали названия ни в одном языке Вселенной.

Глава 2. Хор и трещина

Сара проснулась от низкого гула, пронизывающего стены капсулы. Генераторы базы надсадно выли, пытаясь удержать силовое поле. На мониторе внешнего наблюдения электромагнитный фон пульсировал тревожным алым. «Великое Безмолвие» входило в полную силу. И в этой рукотворной и природной какофонии она услышала звук, который заставил её сердце сжаться. Высокая вибрирующая трель — плач флейты, потерявшей оркестр. Звук был таким безупречно одиноким, что эхом отозвался в её собственной грудной клетке. Сара набросила комбинезон и вышла в сумерки. Впервые за долгое время ею двигало не раздражение на шум, а нечто иное — смутное, болезненное узнавание.

В полукилометре от базы, на уступе над Споровой Рекой, Иль-Ве переживала агонию рождения.

Ещё утром её мир был целым. Принадлежность не была чувством — она была самой материей существования, тёплой и плотной, как давление воды на больших глубинах. Когда старейшина Ли-Ро транслировала удовольствие от созерцания тумана, Иль-Ве не понимала этого — она разделяла это. «Я» существовало лишь как грамматическая оговорка, которую никто не произносил. Их язык не имел единственного числа для разумного существа.

А потом мир начал гложуть. Сначала пропал высокий сигнал разведчиков восточного гребня — словно в оркестре замолчала флейта. Затем смолкли глубокие виолончели пещерных хранителей. Плащ Иль-Ве дёрнулся, посылая запрос: «Мы-здесь?» Ответом стала не тишина, а активная, колючая пустота — как сухой мох, забивающий уши. Магнитная буря стирала биополя одно за другим.

Иль-Ве рухнула. Внутри черепа что-то визжало — крохотный, атрофированный участок мозга, который никогда не работал в одиночку, пытался нащупать границы самого себя. Плащ на спине стал холодным и чужим, липкой тканью, прилипшей к лопаткам. Это была не тишина. Это была ампутация. От неё отсекли всё, что составляло смысл.

А потом случилось странное. Из горла сам собой вырвался звук. Трель отчаяния отразилась от скал и вернулась к ней. Иль-Ве услышала свой голос. Только свой. Без материнского эха, без сестринского обертона. Звук был острым, как осколок кристалла, и в этом осколке мелькнуло нечто невиданное — центр, который не совпадал с центром колонии. Точка отсчёта. Её передёрнуло — не только от ужаса, но и от жгучего, незнакомого любопытства. Плащ, повинаясь неведомому импульсу, запустил ризомы не наружу, а вглубь. Тёплые, щекотные нити поползли вдоль позвоночника, оплетая нервные узлы. Будто внутри распускаясь бутон.

Иль-Ве подняла голову. Мир остался прежним: скалы, грибы, светящийся туман. Но он стал плоским, лишённым подписей. Лишился хора комментирующих голосов. И в этой звенящей пустоте она впервые поняла, что может назвать скалу «скалой» сама. Что оценка красоты больше не транслируется извне, а рождается где-то под рёбрами. Она издала короткий хриплый лай. Смех. Смех без резонанса, адресованный никому.

В этот момент кусты раздвинулись, и на уступ шагнула Сара.

Человек был двуногим, бесшёрстным и лишённым Плаща. Хуже того — он не излучал. Его внутренний мир, если существовал, был заперт внутри черепа, как семя в косточке. Иль-Ве не могла «прочитать» намерений. Ей пришлось смотреть — просто смотреть, улавливая тени на лице, изгиб тела, движения пятипалых конечностей. Это было мучительно, как дышать через соломинку, но дарило странное преимущество: она могла ошибиться. Могла принять страх за любопытство, угрозу за приветствие. У неё появился выбор.

Сара, со своей стороны, видела существо с хаотично мерцающим Плащом и глазами-колодцами. Ксенобиолог внутри неё фиксировал признаки стресса: дрожание грибницы, расширенные ноздри. Но что-то ещё заставило её замереть. В этом смехе ей почудилось не

страдание, а вызов — или приглашение. Она узнала этот надрыв. Так смеётся тот, кто впервые остался один и обнаружил, что одиночество может быть не ядом, а воздухом.

Пропасть между ними была заполнена плывущими в магнитном поле спорами. Ни одна мысль, ни один жест не могли пересечь её, не исказившись. Но два одиночества, словно два камертона, уже резонировали на одной частоте. И мост, которому ещё предстояло возникнуть, уже начал прорастать в этой зыбкой, мерцающей тишине.

Глава 3. Язык тишины

Буря ушла, но её эхо поселилось в Иль-Ве навсегда. Магнитное поле стабилизировалось, хор вернулся — такой же громкий, тёплый, всепроникающий, как прежде. Плащ Иль-Ве снова принимал сигналы. Но что-то в ней самой разучилось их отдавать. Она больше не могла полностью раскрыться навстречу «мы». Это было похоже на попытку вдохнуть полной грудью после того, как рёбра стянули тугой повязкой. Воздух есть, но лёгкие не расширяются до конца.

Колония чувствовала неладное. Кирины окружили её плотным кольцом заботы, транслируя успокаивающие образы: мягкий мох, тёплое молоко спор, колыбельные ритмы подземных приливов. Старейшина Ли-Ро подошла вплотную и попыталась коснуться её Плаща своим — высшая форма близости, объятие души. Иль-Ве отшатнулась. Реакция была рефлекторной, как отдёргивание руки от огня. Прикосновение Плаща теперь ощущалось как чтение мыслей, на которое она не давала согласия.

«Ты больна», — транслировала Ли-Ро образ увядающего гриба.

«Я не знаю», — ответила Иль-Ве, и это было первое сознательное утаивание. Потому что она знала. Она не увядала. Наоборот — внутри неё что-то прорастало, раздвигая кости, требуя пространства. Но как объяснить это тем, у кого нет слова для «внутри»?

Она начала уходить к человеческой станции. Не из любопытства даже, а из смутного чувства, что там, в металлической башне, живёт существо, которое тоже носит свою душу внутри, как зародыш в скорлупе. Существо, которое тоже не умеет — или не хочет — делиться.

Сара зафиксировала аномалию на семнадцатый день наблюдения. Особь Иль-Ве демонстрировала устойчивое избегающее поведение. Проводила всё больше времени на границе ареала колонии. Инициировала контакт с человеческим персоналом, что было абсолютно нетипично для облигатных симбионтов. В графе «Гипотезы» Сара написала: «Возможная мутация, вызванная сенсорной депривацией. Отделение...» Она остановилась. Слово «отделение» отозвалось в ней самой странной, горькой гармонией. Всю жизнь она пыталась отделиться от людей, и вот теперь встретила существо, которое пытается отделиться от своих. Зеркало, в которое страшно смотреть.

Они встретились на уступе снова. Сара не планировала этой встречи, но ноги сами принесли её туда. Иль-Ве стояла у обрыва, вглядываясь в Споровую Реку. Услышав шаги, она не обернулась. Просто её Плащ чуть сместил тональность свечения — приветствие без слов.

Диалог начался с тишины. Сара села на камень, достала планшет, но не включала его. Она просто смотрела на кирина. Та, в свою очередь, повернула голову и изучала человека. Это был странный, архаичный процесс — разглядывание. Без эмпатической подсказки, без знания намерений. Как двое слепых, ошупывающих лица друг друга.

Сара сделала шаг. Она сняла перчатку — медленно, чтобы не напугать. Протянула ладонь. Кожа была бледной, почти светящейся в сумраке. Этот жест не имел аналога в мире киринов, где оголённая плоть была чем-то глубоко интимным и даже пугающим — всё равно что показать кому-то свой мозг. Но Иль-Ве не отступила. Внутренний голос — тот самый, новый — показал ей образ: открытая ладонь, в которой нет спор, нет угрозы, только пустота, готовая принять.

Она подняла переднюю лапу. Подушечка, покрытая коротким бархатистым мехом, дрогнула в воздухе, прежде чем коснуться пальцев Сары.

Кожа к меху. Тепло к теплу. Никакого резонанса. Никакой передачи данных. Только присутствие. Только «я здесь» и «ты здесь», произнесённые на языке, древнем, как сама жизнь.

Сара почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Она не могла вспомнить, когда в последний раз кто-то касался её, не пытаясь забраться внутрь. Все прикосновения в её жизни

— случайные касания в транспорте, дежурные объятия родственников, врачебные осмотры — были актами агрессии. Это же было актом признания. Иль-Ве не хотела ничего. Она просто была. И позволяла быть другой.

Они начали строить мост. Сара касалась камня и рисовала в воздухе знак — простой, угловатый. Иль-Ве повторяла его своей лапой, и каждый повтор был вопросом и ответом одновременно. «Камень». «Небо». «Спора». Потом Сара коснулась своей груди: «Сара». Потом указала на Иль-Ве: «Иль-Ве». Кирина замерла. В их языке не было отдельных имён. Их имена были глаголами состояния, общими для симбионта и носителя. Назвать только носителя значило разрезать единое целое.

Иль-Ве коснулась своей груди. «Я», — беззвучно сказала она. И мир не рухнул. Плащ на спине вздрогнул, протестуя, но она не обратила внимания. «Я». Она повторила жест, на этот раз твёрже. Тишина внутри неё была больше не могилой, а колыбелью. В этой тишине, как в пещере, начало звучать эхо — её собственное, единственное, ни на что не похожее эхо.

Они просидели так до темноты. Когда биолюминесценция леса стала единственным светом, Сара встала. Она сложила ладони вместе, а потом раскрыла их, как книгу, — жест, означавший «Я вернусь». Иль-Ве повторила его. И в этом обещании было больше смысла, чем во всех хоровых симфониях её народа. Потому что оно было дано свободно. Не потому что «мы чувствуем», а потому что «я выбираю».

Сара шла к базе. Её датчик на виске молчал. Она коснулась его кончиками пальцев и впервые за долгие годы выключила прибор сама. Он был больше не нужен. Тишина снаружи и тишина внутри наконец совпали.

Глава 4. Сны, которые можно увидеть

Время на Умбриэли текло не по часам. Оно измерялось циклами спор, приливами биолюминесценции и медленным, почти незаметным движением туманных масс над Споровой Рекой. Сара перестала смотреть на хронометр. Она просыпалась, когда лес начинал светиться чуть ярче, и засыпала, когда свечение угасало. Её дни больше не были размечены отчётами и графиками. Они были размечены ожиданием.

Каждый цикл она шла к уступу. И каждый цикл Иль-Ве была уже там. Кирина лежала на тёплых камнях, источающих геотермальное тепло, и её Плащ мерцал в полумраке, как спутанный клубок светящихся нитей. Она больше не пыталась влиться обратно в хор. Она практиковалась в обратном — в молчании. Брала камешек, ощущала его вес, температуру, текстуру — и не передавала это ощущение в сеть. Сначала это требовало невероятных усилий. Каждое переживание по инерции стремилось наружу, как вода из треснувшего сосуда. Но с каждым разом удерживать его становилось чуть легче. Внутри неё рос резервуар. Хранилище личных, никому не переданных впечатлений. Она училась хранить молчание так же, как другие учатся говорить.

Сара приходила, садилась на свой камень, и их безмолвный диалог продолжался. Словарь рос. Теперь в нём было больше сотни жестов. Конкретные предметы и абстрактные понятия. «Вчера». «Завтра». «Красиво». Последнее слово вызвало у Иль-Ве долгий ступор. Раньше красота была объективной истиной, транслируемой старейшинами. Теперь она должна была решить сама: красиво ли это? Ответ рождался не в Плаще, а где-то под рёбрами, и от этого был ошеломительно новым.

Однажды Сара принесла книгу. Томик в потрёпанной обложке, с пожелтевшими страницами. Она держала его бережно, как реликвию. Иль-Ве уставилась на предмет. Он не излучал. Он не резонировал. Он был мёртв — и в то же время наполнен чем-то. Она протянула лапу и коснулась обложки. Под подушечками ощутилась шероховатость картона, микроскопические бороздки, оставленные временем. От книги исходил странный, сухой запах — так пахнет старая целлюлоза, пережившая десятилетия. Запах был чуждым, но не неприятным. Он напоминал о чём-то древнем, о корнях деревьев, которых Иль-Ве никогда не видела, но смутно чувствовала через образы, когда-то переданные в хоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.